

М. Горький на Кубани

Ранней весной 1891 года Горький вышел из Нижнего и почти два года ходил по бескрайним дорогам России, как «Перекасти-поле». Объясняя цель своих хождений, Горький писал: «Хождение мое по Руси было вызвано не стремлением к бродяжничеству, а желанием видеть, где я живу, что за народ вокруг меня».

Из Нижнего Горький шел по Волге до Саратова, потом плыл пароходом до Царицына и оттуда по Грязе-Царицынской железной дороге доехал до станции Филоново. А дальше пешком — через Донские степи, по обширным полям Украины, по просторам Новороссии, к солнечной Бессарабии, к берегам красавца-Дуная. Затем Горький пришел в Одессу, где работал в порту грузчиком.

Одесская гавань была местом жестокой эксплуатации подрядчиками портового трудового люда. Среди суетящихся, утомленных, пыльных и потных людей был и Горький в костюме босняка, с ляжкой грузчика на спине. В одесской гавани Горький встретил Шакро молодого пружина, князя, отбившегося от семьи и оказавшегося в Одессе без денег и без знакомств. Горький захотел помочь Шакро и предложил ему пойти пешком до Тифлиса. Вместе они отправились из Одессы в дальний путь через Николаев, Херсон, Перекоп, Симферополь, Ялту, Феодосию, Керчь. Редко удавалось найти в пути какую-либо работу. Не было ни денег, ни хлеба, приходилось питаться фруктами и надеяться на лучшее будущее.

Шакро под разными предложениями отказывался от работы, считая, что работа — не княжеское дело. Он попрошайничал, собирая милостыню у населения. Шли они до Керчи, где,

переночевал под мостками пароходной пристани, стали готовиться к переправе через Керченский пролив в Тамань. Из под носа таможенного солдата-часового угнали портовую лодку, сняли две настовые доски и, укрепив их в уключинах весел, поплыли... В Керченском проливе их застала буря, тут же утопили. Волнами унесло их котомки со сменной белья и тетрадь со стихами Горького.

Переправившись через кожаный рукав Кубани, Горький и Шакро обогнули Анапу и пошли по Черноморью, придерживаясь берега. Дальше, взяв курс на северо-восток, пошли в Кубанскую область. В закубанских казачьих станицах видел Горький разжигаемую царским правительством и казачьими атаманами национальную и сословную рознь среди населения, казаков-богатеев — эксплуататоров и угнетаемую ими казачью и многогородную бедноту. Позднее Горький в рассказе «Женщина», характеризуя казаков-богатеев, писал, что такой казак «гладок и солен как вол... двигается он не торопясь, как будто знает все, что ждет его впереди». Здоров, сыт, но смотрит хмуро, говорит неохотно, сквозь зубы. Устами бедного мужика Конева Горький так говорит об этих черствых и жадных людях:

«Действительно, земля тут богатая, а с людьми я не согласен... никак!.. Тут — кремни, тут души и на трешник нет!»

От пытливого взора Горького не скрылось внешнее надутое «благолепие» церкви в кубанских станицах, где жадное и лицемерное духовенство проповедывало среди народа покорность, кротость и смирение.

«Церковь, как будто, слеплена из мяса, обильно просоленного жиром, тень ее тучна и тяжела: храм, созданный сытыми людьми большому, спокойному богу».

В 15 верстах от станицы Ханской Горький и Шакро подружились с одному казаку-богачу на молотье пшеницы и поехали на телеге в степь вместе с бойкими девушками-казачками. Скоро впереди стали виднеться бугры снопов, чернела труба молотилки, слышался торопливый и жадный стук машины. Трудно было работать на молотье. Хозяева-богачи радовались, что в этом году много голодающих крестьян из России ходило в поисках работы — и вместе с двух рублей в день стали платить восемьдесят, шестьдесят копеек. Кормили поденщиков плохо. Каждый раз все подавали галушки.

У молотилки Горький встретил своего знакомого еще по Крыму, босняка Маслова, бывшего рабочего, доведенного фабричной эксплуатацией до отчаяния и до озлобления на машины. Маслов ведет неслепую и неравную борьбу с молотилкой. Видя в ней олицетворение эксплуатации, он пытается снами задуть, погубить ненасытную машину. Маслову на молотилке оторвало руку и он попросил Горького сообщить об этой беде своему другу босняку Степке, находившемуся в то время в станице Ханской.

Горький немедленно отправился в станицу Ханскую. Пришел туда вечером, сразу нашел хату казака Макараши и сообщил Степке о несчастии, случившемся с Масловым. Это событие, связанное с периодом пребывания Горького на Кубани, сохранилось, благодаря автобиографическому рассказу Горького «Два босняка», напечатанному в 1894 году в «Самарской газете».

В то время среди жителей закубанских станиц ходил слух о «чумном бунте» в городе Майкопе. Горький заинтересовался этим событием и поспешил из станицы Ханской в Майкоп; со своим спутником он временно расстался.

В г. Майкоп Горький пришел в сентябре 1891 года. 18 сентября он был арестован майкопской полицией, как подозрительное лицо, как «прохоский». Городская тюрьма была переполнена арестованными по делу о «чумном бунте», и Горький сидел в казачьей казарме, из окна которой видны были Белая, зеленые луга и огромное количество птиц за рекой.

Горького допрашивал жандармский офицер: — как и зачем он оказался в Майкопе, где недавно произошел бунт? Горький ответил: «Хочу знать Россию».

После освобождения из-под ареста Горький покинул Майкоп и пошел через Армавир на Беслан, работал на вновь строящейся железнодорожной линии Беслан — Петровск, из Беслана ходил в Алагир и вдоль хребта в сторону Черного моря. В конце октября Горький снова соединился со своим спутником Шакро и они пошли от Владикавказа по Военно-Пружинской дороге в Тифлис. В пути их застала проза. Шакро стонал от страха, а Горький с радостью наблюдал величественную картину прозы, прекрасно изображенную им в рассказе «Мой спутник».

Наступали холодные дни. В порных ущельях путников встретила снежная буря. Надо было торопиться в Тифлис. В ноябре они пришли в Тифлис. Спутник Горького, так много хорошего обещавший, обманул его. Он ушел, оставив Горького одного в незнакомом городе.

Этот случай, как и многие события, связанные с этим странствованием

Горького, сохранился с большими подробностями, благодаря рассказу Горького «Мой спутник».

В Тифлисе Горькому удалось устроиться отметчиком в железнодорожные мастерские. Летом 1892 года Горький вновь прошел на Черноморье и работал вместе с «голодающими» на постройке шоссе Сухум — Новороссийск. Прокладка этого шоссе имела стратегическое значение. На работу набирали крестьян голодающих губерний и, пользуясь их безвыходным положением, жестоко эксплуатировали, давая за тяжелую работу нищенскую плату. В рассказе «Рождение человека» Горький характеризует этих людей, «раздавленных своим горем».

«Оно сорвало их с родной, усталой, перодимой земли и, как ветер сухие листья осени, занесло сюда, где роскошь незнакомой природы — изумив — ослепила, а тяжкие условия труда окончательно пришибли этих людей».

В это же лето Горький вновь пребывал в предгорных кубанских станицах и снова вернулся в Тифлис.

В 1892 году в тифлисской газете «Кавказ» был напечатан рассказ Горького «Макар Чулра». Тогда же в редакции этой газеты Горький придумал свой псевдоним «Максим Горький». Это явилось началом литературной деятельности Горького — великого пролетарского писателя.

Молочный народ нашей страны воплотил в своем великом художнике неиссякаемую энергию в борьбе и несокрушимую волю к победе.

Величественные и глубокие творения Горького всегда будут страстно звать человечество к борьбе и победе над эксплуататорами.

Б. ВАСЬКИНА.

Научный работник Краснодарского историко-краеведческого музея